

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. С. Аскари

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЗВУКОСИМВОЛИЗМА
И ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ

В статье рассматривается проблема разграничения звуко­символизма и звуко­подражания, анализируются достоинства и недостатки таких терминов, как *звуко­символизм*, *звуко­подражание*, *идеофон*, *образное слово*, *мимема*, *имитатив*, *ономатопея*. Автором дается уточненное определение термина *звуко­подражание*, основанное на теории имитативов Г. Е. Корнилова, предлагается собственная парадигма звуко­подражаний, разработанная с учетом полученных данных по звуковыражениям, звуко­образам и звуко­изображениям корейского и персидского языков.

Лингвисты до сих пор не пришли к общепринятому пониманию терминов *звуко­подражание* и *звуко­символизм*. Различные направления и школы предлагают множество определений и классификаций, часто вступающих в противоречие друг с другом. Ситуация усложняется и ввиду того, что большинство исследований по звуко­подражаниям и звуко­символизму до середины XX в. редко выходили за рамки европейских языков. Это привело к ряду проблем в основаниях современной лингвистики. Однако анализ данных других языков, например, корейского, показывает, что необходимо пересмотреть существующие определения и создать классификацию звуко­подражаний, учитывающую особенности разно­системных языков. Ввиду большого количества работ по данной тематике, выполняемых в рамках тех или иных лингвистических направлений и школ, закономерно возникают вопросы с определениями понятий. В одних исследованиях некоторые термины (например, *звуко­подражание* и *ономатопея*) в Лингвистическом энциклопедическом словаре (далее – ЛЭС) [1, с. 165] выступают как синонимы, а в других различия между ними весьма значительные. В настоящей статье мы рассмотрим проблемные аспекты существующей терминологии, связанной с понятиями *звуко­подражание* и *звуко­символизм*.

Одним из первых с последовательной критикой существующей терминологии выступил Г. Е. Корнилов в монографии «Имитативы в чувашском языке» [2, с. 58–60]. Автор анализирует термин *идеофон*, использованный в работах Б. В. Журковского [3; 4], и отмечает два его недостатка. Во­первых, в африканистике данным термином обозначается классный показатель со звуко­подражательной основой в языках банту [2, с. 58; 5, с. 165]. В ЛЭС нет статьи об *идеофонах*, авторы словаря предлагают обратиться к статье о *звуко­символизме*. Во­вторых, в теории имитативов Г. Е. Корнилова под этим термином понимается «базисная единица низшего порядка» по отношению к имитативу [2, с. 59].

Г. Е. Корнилов дает положительную оценку термину *мимема* [2, с. 59], введенному Н. И. Ашмаринным [6, с. 8]. Главным преимуществом термина ученый считает то, что на его основе можно образовать название науки (мимология). Несмотря на то, что термин *мимема* был поддержан такими крупными специалистами по рассматриваемой теме, как Н. К. Дмитриев и А. М. Газов-Гинзберг, он не получил широкого распространения [2, с. 59]. Толкование данного термина отсутствует в словарях, в том числе в ЛЭС и в Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой (далее – СЛТ).

Терминологическое словосочетание *образные слова* было употреблено В. З. Панфиловым в «Грамматике нивхского языка» [7], Н. Б. Киле в работах по звукоподражаниям нанайского языка [8; 9], в исследованиях Л. А. Афанасьева [10], Е. В. Нестеровой [11]. Г. Е. Корнилов указывает на основной недостаток данного термина: чаще всего он используется в ином значении в таких дисциплинах, как литературоведение и стилистика [2, с. 59].

Весьма жестко Г. Е. Корнилов критикует определение традиционного, а потому удобного термина *звукоподражание* в СЛТ. Лингвист считает, что это толкование нанесло «непоправимый вред делу признания теории звукоподражательного происхождения человеческой речи» [2, с. 59]. В СЛТ термин *звукоподражание (ономатопея)* имеет два значения: 1) «условное воспроизведение звуков природы и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, смех, свист и т.д.), а также криков животных»; 2) «создание слов, звуковые оболочки которых в той или иной степени напоминают называемые (обозначаемые) предметы и явления» [5, с. 157]. Мы солидарны с мнением Г. Е. Корнилова о том, что такое определение имеет недостатки, поскольку звукоподражания – это речь, представляющая собой «подражание звукам, процессам, движениям; световым, цветовым, статическим и иным явлениям и качествам окружающей действительности (включая и самого человека во всех его проявлениях) с помощью звуков (звуковых комплексов и звучаний)» [2, с. 60]. Г. Е. Корнилов правильно указывает на то, что звукоподражание – это не подражание звукам, а подражание с помощью звуков [2, с. 60], то есть использует термин в широком смысле. Еще В. Скаличка предлагал рассматривать звукоподражания в широком смысле и считал уместным «распространить понятие звукоподражательности и на аналогичные явления оптических систем», чтобы увеличить «ценность данного понятия» [12, с. 281]. Б. В. Журковский, цитируя фрагмент статьи Д. Кунене «The ideophone in Southern Sotho», справедливо отмечает: «Относительно терминов, свидетельствующих о чисто звукоподражательном происхождении идеофонов, следует возразить, что они “становятся бессмысленными ввиду существования идеофонов, описывающих тишину, а также цвет, запах, температуру, походку и т.д.”» [4, с. 10]. Мнение автора подтверждает тезис о том, что узкая трактовка звукоподражания опровергается данными неевропейских языков. На отсутствие во многих индоевропейских языках подражаний с помощью звука не-звуку указывал и Н. Б. Киле [8, с. 125].

Поскольку во многих работах термин *звукоподражание* используется в узком смысле (подражание звуку), Г. Е. Корнилов вводит термин *имитатив*, под которым понимает «подражание с помощью звуков объектам живой и неживой природы, а также их свойствам и качествам, событиям и явлениям» [2, с. 60]. Автор считает, что в современных языках имитативы превратились в части речи, хотя на предыдущем этапе развития языка (в имитативную эпоху) «это были единственно возможные максимальные отрезки речи, несущие в себе зародышевые состояния категорий предикативности, модальности и времени» [2, с. 60]. Древний корень-имитатив, по мнению автора, функционально равнозначен предложениям современных языков; звуки, составляющие имитатив, являются идеофонами, а не фонемами, и равнозначны современному слову [2, с. 181]. Достоинство термина заключается в том, что от него можно образовать наименование раздела языкознания, который Г. Е. Корнилов предлагает назвать *имитативикой* (*теорией имитативов*). Имитативика исследует этап развития языка, выходящий за хронологические рамки, интересующие компаративистику, поэтому эти отрасли должны взаимодополнять друг друга [2, с. 180–181]. Автор указывает, что в современных языках имитативы представляют собой реликты предшествующего (имитативного) этапа развития языка [2, с. 181] и вместе с антиимитативами составляют лексику современного языка [2, с. 9]. На наш взгляд, термин *имитатив*, при всех его достоинствах, может использоваться только в диахронических исследованиях, поскольку необходимо строгое доказательство того, что современное звукоподражание – это древний имитатив, а не окказионализм, характерный для комиксов [13, с. 163–168].

Рассмотрим, как определяются термины *звукоподражание* и *звукоимитативизм* в ЛЭС. Автор статей – основоположник фоносемантики С. В. Воронин, соответственно словарные дефиниции отражают основные идеи Санкт-Петербургской школы фоносемантики. «**Звукоподражание** (ономатопея) – закономерная не произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе *номинации* звуковым (акустическим) признаком *денотата* (мотивом)» [1, с. 165]. «**Звукоимитативизм** (звуковой символизм, фонетический символизм, символика звука) – закономерная, не произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу *номинации* незвуковым (неакустическим) признаком *денотата* (мотивом)» [14, с. 166].

В ЛЭС термины *звукоподражание* и *ономатопея* являются синонимами. Однако Б. В. Якушкин отмечает, что в Древней Греции под термином *ономатопея* понималось словотворчество, а сейчас – звукоизобразительные явления в языке. При этом выделяются два типа слов: звукоподражательные («подражание внешнему звучанию») и звукообразные («ассоциативное сходство звучания слова с признаком предмета») [15, с. 7]. Б. В. Якушкин фактически ставит знак равенства между ономатопеей и звукоизобразительной системой языка. Взгляды ученого вступают в противоречие с идеями С. В. Воронина, который считает ономатопею и звукоподражание синони-

мами и отмечает, что звукоизобразительная система языка состоит из звуко-символической и звукоподражательной подсистем [14, с. 166]. В то же время С. В. Воронин разграничивает понятия *звукоподражание*, или *онома-топея* («условная имитация звучаний» [1, с. 165]), и *звуко-символические слова*, или *идеофоны*, *образные слова* («обозначают различные виды движения, световые явления, форму» [14, с. 166]). Это противоречит мнению Г. Е. Корнилова о необходимости использования термина *звукоподражание* в широком смысле.

Рассмотрим также проблемные моменты в определении термина *звуко-символизм*, который, по мнению С. В. Воронина, является одной из подсистем звукоизобразительной системы языка [14, с. 166]. Однако существует и иное определение, предложенное Ж. Ж. Варбот и А. Ф. Журавлевым: «**Звуко-символизм** – широкий круг явлений, связанных с **семантизацией** отдельных звуков и звуко-сочетаний» [16]. Ученые сюда относят: 1) звукоподражания и их производные, 2) вторичное осмысление слов как звукоподражательных, 3) «слова, построенные на выразительных фонетических последовательностях, прямо не воспроизводящих внеязыковых звучаний», 4) синэстезия, 5) связь звуков с отвлеченными идеями [Там же]. Исходя из этого определения, можно поставить знак равенства между звуко-символизмом и звукоизобразительной системой языка. Следовательно, допустимо говорить о том, что звукоподражания являются частью звуко-символической системы языка. Исходя из вышесказанного, мы считаем, что не стоит отказываться от широко используемого в русскоязычной литературе термина *звукоподражание*, однако необходимо пересмотреть его определение. В связи с этим обратимся к исследованиям корейских лингвистов.

В корейском языкознании выделяют две группы звукоподражаний: *ыйсоно* (*의성어*, *擬聲語*, передают звучание объектов) и *ыйтхэо* (*의태어*, *擬態語*, передают с помощью звука движения, состояния и качества объектов). В японском языкознании используются аналогичные термины: *гионго* (*擬音語*) и *гитайго* (*擬態語*) [17, с. 11]. Однако ряд корейских авторов (например, Чхэ Ван [13]) при переводе названий исследований на английский язык используют для объединения двух указанных групп термин *onomatopoeia*. Схожая тенденция характерна и для современного японского языкознания [17, с. 11]. Таким образом, опираясь на дефиницию Г. Е. Корнилова [2, с. 60], но внося некоторые дополнения, под *звукоподражанием* мы понимаем *членораздельное* подражание звукам, процессам, движениям, а также подражание световым, цветовым, статическим и иным явлениям и качествам окружающей действительности (включая и самого человека во всех его проявлениях) с помощью звуков. Именно членораздельность отличает звукоподражание от вокальной мимикрии, свойственной некоторым животным. Еще В. фон Гумбольдт отмечал, что «сущность языка заключена в членораздельности» [18, с. 410].

С учетом вышеизложенных фактов можно выделить две группы звукоподражаний. Членораздельное подражание звуку мы предлагаем назы-

вать *звуковыражением*, поскольку с помощью средств языка мы выражаем звучание объекта: кор. *바스락* [пасырак] ‘звук топтания или переворачивания сухих листьев, засохших растений, листов бумаги’ [NKD]; перс. *غرغر* [ghorghor] ‘1) звук ворчания, бормотания; 2) звук урчания живота’ [VY].

Для обозначения членораздельного подражания процессам, движениям, световым, цветовым, статическим и иным явлениям и качествам окружающей действительности мы предлагаем термин *звукоизображение*, поскольку с помощью звука изображается образ объекта действительности: кор. *가웃* [кяут] ‘образ легкого наклонения головы или тела в сторону’ [NKD]; перс. *فرفر* [fer-fer] ‘образ закручивания, кружения, вращения’ [VY].

Кроме того, есть ряд звукоподражаний с более сложной семантикой. Они являются переходными звеньями от подгруппы *чистых звуковыражений* к подгруппе *чистых звукоизображений* и вызывают в сознании человека сложный образ, состоящий из звуковых и незвуковых компонентов с доминированием одного из них [20, с. 5]: кор. *후루룩* [хурурук] ‘1) звук и/или образ взмахнувшей крыльями и внезапно взлетевшей птицы; 2) звук и/или образ быстрого и неприличного втягивания небольшого количества жидкости или лапши’ [NKD]; перс. *شلیپ شلیپ* [shelep-shelep] ‘1) повторяющийся звук ходьбы по грязи; 2) звук от многократных ударов руками о поверхность воды; 3) звук и/или образ постоянного перемешивания руками жирной пищи’ [VY].

Для обозначения подобных переходных звеньев мы предлагаем использовать термин *звукообраз*. Звукообразы делятся на две подгруппы: *звукообразы с доминированием звукового элемента* (разновидность звуковыражений наряду с чистыми звуковыражениями) и *звукообразы с доминированием образного элемента* (разновидность звукоизображений наряду с чистыми звукоизображениями). На наш взгляд, точное определение типа звукообраза возможно только в рамках специального психолингвистического исследования. Переход от одной группы/подгруппы звукоподражаний к другой носит эволюционный характер [19, с. 5–6], поэтому парадигма звукоподражаний будет иметь следующий вид (рисунок).

Предлагаемая парадигма звукоподражаний

Отказ в рамках предложенной парадигмы звукоподражаний от термина *звукосимволизм* в трактовке представителей Санкт-Петербургской школы фоносемантики продиктован данными рассматриваемых восточных языков, прежде всего корейского, где частотны явления, связанные с семантизацией

отдельных звуков и звуко сочетаний. Они проявляются в виде трех типов корневых чередований в звукоподражаниях (подробнее в нашей статье [20, с. 78–80]). Характерные для корейских звукоподражаний звуко-символические явления вступают в противоречие с тем, как трактуют звуко-символизм в Санкт-Петербургской школе фоносемантики. Если придерживаться трактовки термина *звукоподражание* в широком смысле (как подражание звуку и не-звуку с помощью звука), то становится очевидно, что звуко-символизм выходит за рамки звукоподражаний и представляет собой сложное явление, характерное и для иных лексических единиц (например, для некоторых корейских слов, обозначающих качества объектов, цветообозначения [13, с. 77]).

Таким образом, несмотря на то, что некоторые группы звукоподражаний в ряде языков отсутствуют либо их число незначительно, описываемую языковую систему не стоит упрощать. Если мы стремимся установить общелингвистические закономерности структурно-семантического строения Языка, важно разработать максимально широкую парадигму звукоподражаний, которая может быть применена к любому национальному языку, независимо от его особенностей. Предложенная в настоящей статье парадигма позволяет уточнить границы термина *звукоподражание*, решить проблему трактовки звукоподражаний в узком смысле (как подражание звуку) и выработать общий подход к их исследованию в разносистемных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронин, С. В.* Звукоподражание / С. В. Воронин // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 165.
2. *Корнилов, Г. Е.* Имитативы в чувашском языке / Г. Е. Корнилов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1984. – 184 с.
3. *Журковский, Б. В.* Идеофоны в языке хауса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б. В. Журковский ; АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1969. – 23 с.
4. *Журковский, Б. В.* Идеофоны : сопоставительный анализ (на материале некоторых языков Африки и Азии) / Б. В. Журковский // АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1968. – 65 с.
5. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : Сов. энцикл., 1969. – 608 с.
6. *Ашмарин, Н. И.* О морфологических категориях подражаний в чувашском языке / Н. И. Ашмарин. – Казань : Изд. Акад. центра ТН КП, 1928. – 165 с.
7. *Панфилов, В. З.* Грамматика нивхского языка : в 2 ч. / В. З. Панфилов // Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. – М. ; Ленинград : Изд-во «Наука», 1962–1965. – Т. 2. – 1965. – 263 с.
8. *Киле, Н. Б.* Задачи изучения образных слов / Н. Б. Киле // Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX–XX вв.) : сб. статей / АН СССР, Дальневост. науч. центр. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток : ДВНЦ, 1978. – С. 125–133.

9. Киле, Н. Б. Образные слова нанайского языка / Н. Б. Киле // АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. – 189 с.
10. Афанасьев, Л. А. Фоносемантика образных слов якутского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.06 / Л. А. Афанасьев ; Рос. акад. наук, Сибирское отд-ние, Якутский ин-т языка, литературы и истории. – Якутск, 1993. – 18 с.
11. Нестерова, Е. В. Образные слова в эвенском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Е. В. Нестерова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2008. – 25 с.
12. Скаличка, В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений / В. Скаличка // Пражский лингвистический кружок : сб. статей / сост. и ред. Н. А. Кондрашова. – М. : Прогресс, 1967. – С. 277–316.
13. 채완. 한국어의 의성어와 의태어 = Onomatopoeia in Korean / 채완. – 서울 : 서울대학교출판부, 2003. – 264 쪽.
14. Воронин, С. В. Звукосимволизм / С. В. Воронин // Лингвист. энциклопед. словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 166.
15. Якушкин, Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушкин. – М. : Наука, 1984. – 137 с.
16. Журавлев, А. Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот // Этимология и история слов русского языка [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf. – Дата доступа : 16.03.2019.
17. Чиронов, С. В. Ономатопоэтические слова в современном японском языке (проблемы функционирования) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / С. В. Чиронов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2004. – 29 с.
18. Гумбольдт, В. фон. О буквенном письме и его связи со строением языка / В. фон Гумбольдт // Язык и философия культуры : пер. с нем. яз. / В. фон Гумбольдт ; сост., общ. ред. и вступ. статьи А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.
19. Аскари, А. С. К вопросу о процессуальности звукосимволизма / А. С. Аскари // Научные чтения, посвященные Виктору Владимировичу Мартынову : сб. науч. тр. Вып. IV: в 2 ч. Ч. 1 / редкол. : Г. А. Цыхун (отв. ред.), С. П. Витязь (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2016. – С. 4–9.
20. Аскари, А. С. Установление семантики корейских звукоподражаний как этап перевода безэквивалентной лексики / А. С. Аскари // Вестн. рос. корееведения. – 2017. – № 9. – С. 77–86.

СЛОВАРИ

- [NKD] 네이버 국어사전 = Naver Korean Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://ko.dict.naver.com>. – Date of access: 15.03.2019.
- [VY] واژه یاب = Vajehyab [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.vajehyab.com/>. – Date of access: 15.03.2019.

The article is dedicated to the problem of differentiation between sound symbolism and onomatopoeia and the analysis of advantages and disadvantages of relevant terms. The author gives a clarified definition of the term *onomatopoeia*, based on the theory of imitative words by G. Kornilov, and suggests his own paradigm of onomatopoeia, developed with consideration of different types of Korean and Persian onomatopoeia.

Поступила в редакцию 08.04.2019

В. С. Алейник, Т. А. Сысоева

ЭКСПЛИКАЦИЯ СОГЛАСИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИИ (на материале форумов, посвященных кинематографу)

Будучи ярким примером комьюнитиобразующего ресурса, веб-форум кинематографической тематики объединяет людей с общими интересами, что обуславливает активное использование средств вербализации согласия как аспекта кооперативного поведения участников дискуссии. Анализ реплик-стимулов и комментариев к ним на русскоязычных и англоязычных форумах позволил установить, что в обоих языках преобладают лексические средства экспликации согласия, тогда как грамматические и графические приемы являются вспомогательными и работают в комплексе с лексическими, усиливая эффект от использования последних. Общей тенденцией является стремление форумов к «разговорности», намеренное игнорирование участниками правил орфографии и пунктуации при неукоснительном соблюдении норм сетевого этикета.

Интернет является коммуникативной средой, занимающей значимое место в жизни современного общества. Будучи формой глобального взаимодействия, он, тем не менее, представлен многочисленными самобытными жанрами (чат, форум, блог и др.), каждый из которых обладает как языковыми особенностями, так и определенными конвенциями, правилами поведения. Обратившись к тактике согласия как аспекту кооперативного поведения в виртуальном общении, рассмотрим средства ее манифестации на англоязычных и русскоязычных веб-форумах, посвященных кинематографу. Материалом исследования послужили тематические обсуждения, проводившиеся на ресурсах *Kinonews.ru*, *MovieForums*, *Rotten Tomatoes*, *IMDB*, *YouTube* и *Twitter*.

Понятие интернет-форума, особенности его структуры и стилистического оформления, функционирование терминологического сленга в веб-дискуссии – этим и другим вопросам уделяют внимание многие исследователи [1; 2; 3]. К основным параметрам жанра относят дистантность (удаленность участников форума в пространстве и времени), статусное равноправие коммуникантов, а также «гибридный» характер, когда чувства и эмоции передаются как вербально, так и посредством графики (аватаров, эмодзи и др.). В текстах сообщений на форуме встречаются многочисленные лексические и грамматические неточности, пренебрежительное отношение к орфографии, синтаксическая небрежность, окказионализмы. Применительно к подобным ситуациям представляется возможным говорить